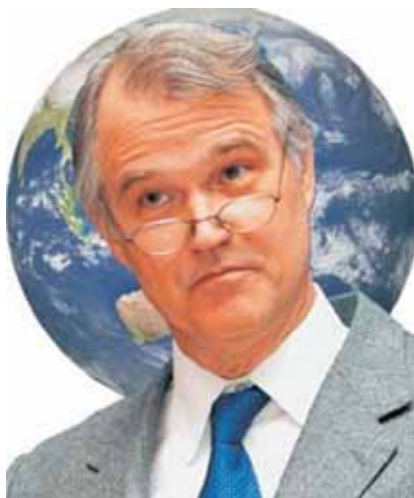

ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ ПРИ ДЕМОКРАТИИ

Крейг Калхун

Крейг Калхун — американский ученый и общественный деятель; президент Исследовательского совета по социальным наукам. Автор книг «Национализм» (1997) (русское издание — 2006), «Критическая социальная теория: культура, история и вызов различия» (1995). Участник Мирового политического форума в Ярославле в 2009, 2010 годах

■ *Что такое «постсекулярное»? С чем связаны дискуссии вокруг этого понятия? Что именно они призваны ухватить?*

Споры о «постсекулярном» начались в связи с отказом от некогда популярного тезиса о том, что модернизация неразрывно связана с секуляризацией. Мол, модернизация предполагает одновременное улучшение во всех сферах: культуре, религии, политике, экономике, — так сказать, единым махом. Поборники секулярности надеялись, что модернизация либо упразднит религию, либо сделает ее достоянием очень незначительного меньшинства. Так вот, «постсекулярное» — это, по сути, признание того факта, что ничего подобного не произошло.

Впрочем, у меня есть одно возражение против данного термина: он как бы предполагает, что раньше все были светскими, в чем я лично сомневаюсь. Например, если в том же Советском Союзе государственная политика была секулярной и даже нарочито атеистической, то из этого никак не следует, что все граждане тоже были носителями секулярного сознания.

■ *Как соотносятся постсекулярность и современная демократия? Является ли постсекулярность неотъемлемым атрибутом современной демократии?*

Большинство исследователей, занимавшихся данными проблемами, как раз полагали обратное: они считали таким атрибутом именно секулярность. То есть про себя люди могут во что-то там верить, но не в общественной жизни. Сегодняшний же мыслитель, тот же Юрген Хабермас, когда он размышляет на эти темы, скажет, скорее: «Нет! Нам необходимо сделать споры о вере частью общественной жизни». При этом вовсе не обязательно друг с другом соглашаться, просто необходимо как-то договориться и переводить дискуссию на язык, понятный обеим сторонам. **Современная демократия не допускает сегрегации, поэтому верующим просто необходимо давать возможность высказываться. Даже если это кому-то придется не по вкусу.** Конечно, верующие должны смириться с тем, что им надо *аргументировать* свою точку зрения, а не просто повторять: сие есть божественная истина, и кончен разговор! Необходимо вести дискуссию.

■ *Давайте возьмем две концепции: Джона Ролза, утверждающего, что верующие должны переводить свои убеждения на язык секулярно-*

го мышления, и концепцию Хабермаса, полагающего, что бремя перевода должно ложиться симметрично — как на секулярную, так и на религиозную аудиторию. Какая точка зрения кажется вам более убедительной?

Однозначно Хабермаса. Концепция Ролза представляется мне излишне предвзятой против позиции религиозного лагеря: она требует такого перевода, при котором часть семантического богатства будет неизбежно утрачена. Впрочем, мне кажется, что само использование образа «перевода», которым пользуемся и я, и Хабермас, отчасти проблематично. Поэтому при необходимости Хабермас обычно уточняет, что для него перевод — это метафора, означающая не столько перевод в собственном смысле слова, сколько симметрию — когда в дискуссию вступают с полной готовностью понять своего визави. И в этом я с Хабермасом полностью согласен.

■ *Как в России, так и в Европе было немало конфликтов и даже столкновений между, так сказать, религиозным лагерем и лагерем сторонников секулярных ценностей. Вспомним тот же карикатурный скандал или скандальную выставку «Осторожно, религия!» в России. Несколько лет назад, после смерти Тео Ван Гога, Ян Бурума опубликовал книгу «Пределы толерантности». А если говорить о пределах постсекулярности — каковы они? И есть ли такие пределы вообще?*

Если под постсекулярностью подразумевается общество, где религия является составной частью общественных дискуссий, но ее не контролируют, то у такой постсекулярности пределы есть. Их два. **Во-первых**, чистый секуляризм, отрицающий религию в принципе. **Во-вторых**, господство религии, то есть когда некая

конфессия занимает доминирующее положение и как бы говорит: «Вот это — истина, и другой быть не может!». Постсекулярность никоим образом не предполагает теократического общества. Но, думаю, одной толерантностью дело ограничиваться не может. То есть толерантность, безусловно, необходима, но Хабермас совершенно прав, когда говорит, что помимо эдакой «пассивной» толерантности — в смысле «я тебя не трогаю» — нужна еще и активная вовлеченность во взаимное обсуждение. Что, конечно, выходит за рамки простой толерантности.

■ *Есть такая острая проблема, как несоизмеримость ценностей. Если взять Хабермаса, то в его модели есть группы, придерживающиеся разных традиций, но при этом готовые вступить в диалог. Но как быть, если в обществе есть группы, которые в диалог вступать даже не собираются?*

Отличный вопрос! У меня есть два замечания. Во-первых, группы, которые не хотят вступать в диалог, — это реальная проблема. Не в том, конечно, смысле, что их надо истреблять или как-то иначе от них избавляться, просто необходимо признать следующее: **у подобных групп и людей не должно быть равных возможностей для участия в общественной жизни. Условие участия — согласие на ведение диалога.** Собственно, радует то, что большинство религиозных общин с удовольствием готовы участвовать в диалоге. Второе замечание продолжает проблематизацию метафоры перевода. Последняя предполагает наличие полного семантического эквивалента, не имеющего двоякого толкования: при таком переводе каждый понимает каждого. Ну, то есть если вы говорите по-русски, а мне переводят, то я все пойму. Но на самом деле требуется нечто иное: открытость для изменений. **Люди, участвующие в дискуссии между секулярным и религиозным лагерями, должны быть готовы к тому, что дискуссия их изменит.**

Возьмем сегодняшнее христи-

анство — оно значительно изменилось под влиянием изменений, например, в технологиях. Даже ислам, который кому-то может казаться «старым», «средневековым», «устарелым», меняется под влиянием идей, циркулирующих в интернете.

Так что недостаточно просто сказать: мы переводим. Необходимо понять, что все дело в собственной готовности измениться. Не в смысле принять чужую религию, а в смысле открыть для себя какие-то новые идеи. Например, секулярный лагерь вполне может заимствовать у религии то, что Хабермас называет новым семантическим содержанием. Религиозные идеи мира, любви и заботы о ближних вполне могут оказаться небезынтересными, даже если вы отвергаете религию в целом. Вы можете принять некоторые из этих идей, или же они могут заставить вас о чем-то задуматься и, в конце концов, изменить свою позицию. Все это и есть конструктивный открытый диалог: способность воспринять новые идеи и измениться как личность.

■ *Вы признали, что несоизмеримость ценностей и отказ от диалога — это проблема. Но в таком случае возникает следующий вопрос: что держит нас, приверженцев разных ценностей и мировоззрений, вместе? Что предотвращает общества от распада?*

Да, все общества становятся все более и более сложными, и даже те, что стараются не поддаваться на внешнее воздействие. Однако, несмотря на это, некая общая культура у нас все-таки остается. Кстати, та же **культура уважения к диалогу вполне могла бы стать источником солидарности, способным удержать общество вместе. Однако еще более важно признание ценности тех вкладов, которые различные группы делают в общую социальную копилку.** То есть и в экономике, и в политике, и в культуре национальное единство заключается не в том, чтобы всем быть одинаковыми, а в том, чтобы сообща пользоваться вкладом каждого сегмента. Я думаю, мы вполне можем создать

единство на основе подобного взаимодействия.

■ *Какие дискуссии о «постсекулярном» последних лет оказались вам наиболее интересными?*

Я бы вспомнил относительно недавнюю конференцию, посвященную Хабермасу и религии. На этой конференции прошел очень любопытный круглый стол, на котором были представлены четыре очень разные точки зрения. Аудитория — несколько тысяч человек плюс трансляция по радио. Участвовали сам Хабермас, Джудит Батлер, Корнел Уэст и Чарльз Тейлор. Разговор получился не совсем обычный. Ведь Корнел Уэст — глубоко верующий христианин, представитель Церкви черных американцев; Джудит Батлер — с одной стороны, человек с еврейскими корнями, а с другой — выразитель достаточно критических секулярных позиций; Чарльз Тейлор — верующий католик; и Юрген Хабермас — человек светский, но интересующийся религией. В результате за круглым столом оказались удачно представлены очень разные точки зрения — и я бы даже сказал, разные стили дискуссии. Первое сказалось на качестве аргументации, второе — на ее эмоциональном восприятии.

Ведь, как справедливо отметил Корнел Уэст, религия — это не только рациональные аргументы, это еще и музыка, и проповедь, — словом, эмоциональное восприятие. Он очень забавно смотрелся на конференции со своей стилистикой негритянского проповедника («Сестра Джудит и брат мой Юрген, я к вам обращаюсь!»). Как мне показалось, это произвело на Хабермаса сильное впечатление. Он мне потом сказал: «Ты мне уже несколько лет твердишь: мол, я порой что-то упускаю в религии, считая ее набором рациональных утверждений. Так вот, послушав Корнела Уэста, я понял, что ты имел в виду». ■

Дмитрий Узланер специально для Ярославского Форума